

**САРМАТЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ ДОНА И ВОЛГИ
(ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ)****Р. С. Берестнев***Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 31 августа 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы хронологии, этнополитической и социально-экономической истории сарматов лесостепного междуречья Дона и Волги в хоперо-волжском районе памятников. Автор делает обзор древностей II в. до н. э. – IV в. н. э., разделяющихся на три хронологических периода. Посредством анализа погребального обряда и сопровождающего покойников инвентаря делается попытка связать сарматские комплексы с известными по античной литературной традиции этнонимами того времени: раннесарматские памятники с роксоланами; среднесарматские – с аланами (асяями и закатами); позднесарматские – с аланами-танаитами. Особое внимание уделяется отношениям кочевых сарматских племен и оседлого несарматского населения (венедов).

Ключевые слова: кочевники, курганы, сарматы, лесостепь, степь, этнография.

Abstract: this article discusses the history, ethno-political and socio-economic history of the Sarmatian-steppe between the Don and the Volga (specifically – the monuments between the Koper and the Volga). The author makes a review Antiques of the II century BC – IV century AD, is divided into three chronological periods. By analyzing the funeral rites of the dead and accompanying equipment, an attempt is made to link Sarmatian complexes known by the ancient literary tradition ethnonyms of the time: early Sarmatian monuments with Roxolans; medium Sarmatian monuments – Alans; Late Sarmatian monuments – with Alan tanaitos. Particular attention is paid to relations Sarmatian nomadic tribes and sedentary population (Wends).

Key words: nomads, burial mounds, Sarmatians, forest-steppe, steppe, ethnography.

В результате многолетнего изучения лесостепного междуречья Хопра и Волги с последней четверти XIX в. до настоящего времени исследован довольно представительный массив памятников сарматской эпохи – не менее 150 погребений и случайных находок (рис. 1). Это позволяет сгруппировать сарматские древности в отдельный район памятников – лесостепной хоперо-волжский, так как большинство погребений сосредоточено в бассейнах этих рек. Анализ сопровождающего покойников инвентаря и погребального обряда всей совокупности комплексов из хоперо-волжского района сарматских памятников позволил разделить их на три культурно-хронологические группы, которые довольно точно сопоставляются с обрядовыми и соответствуют современному членению на ранне-, средне- и позднесарматскую культуры. Группу раннесарматских древностей в изучаемом регионе на сегодняшний день представляют всего три погребения, четыре случайные находки. Все они датируются II–I вв. до н. э.

Все три погребения – впускные в курганы эпохи бронзы. Каких-либо особенностей по этому параметру не наблюдается. Более того, все погребения были

впущены в насыпь кургана и находились на его периферии, а не в центре.

Интересующие нас погребения по типологии погребальных сооружений [1, с. 73–75; 2, с. 59–64] были совершены в узких прямоугольных ямах (рис. 2, 1). Этот тип погребальных сооружений характерен для погребального обряда раннесарматского времени [3, с. 184].

Каких-то сложных конструкций в могилах этой хронологической группы отмечено не было. Однако в погребении 1 кургана 4 у хут. Короли дно могилы было устлано деревянными плахами, а в засыпи ямы были найдены остатки от деревянного перекрытия, что типично для раннесарматской культуры.

В двух случаях, когда костяки погребенных были зафиксированы *in situ*, покойные были ориентированы головой на северо-восток. Это весьма интересный факт, так как в соседних раннесарматских курганах на Иловле господствующим является ориентация в южный сектор, хотя высок процент и североориентированных [4, с. 203]. Ориентация в северный сектор наиболее типична для раннесарматской культуры Северного Причерноморья [5, с. 70; 6]. Некоторые ученые интерпретируют данную закономерность как этнический признак роксолан – одного из сарматских племен [6].

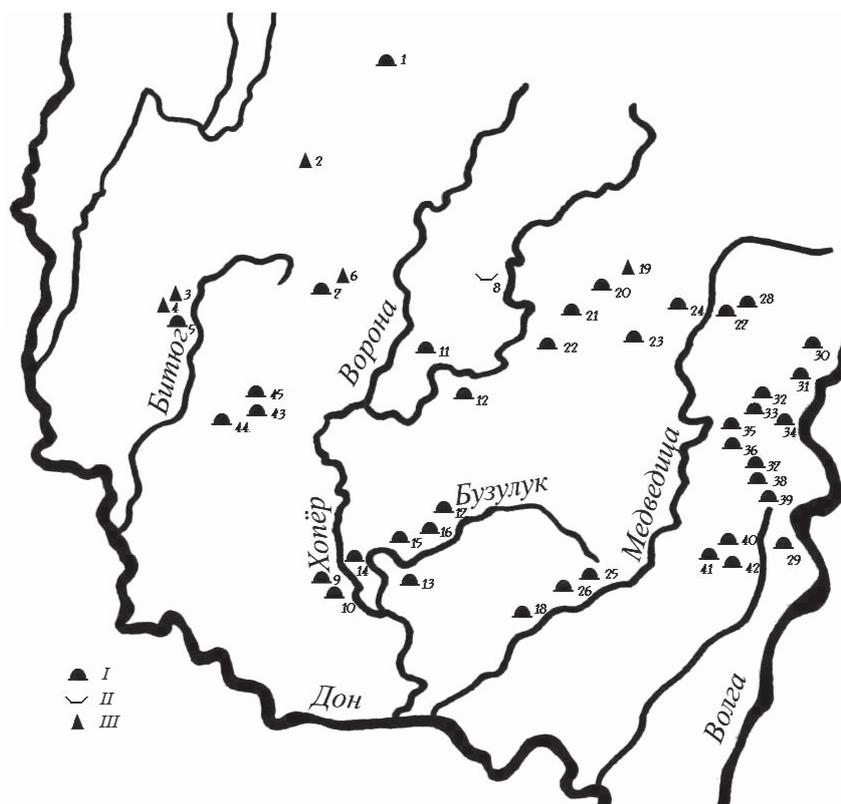

Рис. 1. Карта лесостепного хоперо-волжского района сарматских памятников:

I – курганы; II – грунтовые могилы; III – случайные находки; 1 – Пичаево; 2 – Тамбов; 3 – Николаевка; 4 – Анна; 5 – Левашовка; 6 – Туголуково; 7 – Графская; 8 – Турки; 9 – Нехаево; 10 – Мазин; 11 – Власовка; 12 – Третьяки; 13 – Ильмень; 14 – Красновка; 15 – Короли; 16 – Берёзовка; 17 – Новоаннинск; 18 – Арчединская; 19 – Елань; 20 – Таптулино; 21 – Машевка; 22 – Ключи; 23 – Радущинка; 24 – Аткарск; 25 – Королева могила; 26 – Сидоры; 27 – Ершовка; 28 – Верхний Кольшлей; 29 – Щербаковка; 30 – Усть-Курдюм; 31 – Саратов; 32 – Двоенка; 33 – Рыбушка; 34 – Большая Дмитриевка; 35 – Широкий Карамыш; 36 – Норка; 37 – Макаровка; 38 – Карамыш; 39 – Каменка; 40 – Гуселка; 41 – Котово; 42 – Новая Норка; 43 – Ёлка; 44 – Новая Чигла; 45 – Сорокинский

Особенностью рассматриваемых погребений выступает отсутствие следов огня в погребальном обряде, хотя его применение – яркая черта сарматского похоронного ритуала [7]. Кроме того, в погребениях лесостепного хоперо-волжского района совсем не встречены и такие характерные показатели, как краска в погребальном обряде, заупокойная пища; отсутствуют гипсовые сосудики и курильницы, деревянные сосуды, различные амулеты, раковины, гальки, песты и каменные плитки, т. е. вещи, имеющие отношение не только к туалету, но и к ритуальным действиям, к отправлению каких-либо культов. Лишь в Побитюжье в кургане 1 у с. Левашовка в погребении 2 встречено бронзовое зеркало с валиком по краю диска (рис. 2, 2), характерное для прохоровской культуры [3, с. 152; 8, с. 52–54].

Однако два захоронения были совершены с оружием – кинжалами и трехлопастными черешковыми наконечниками стрел (рис. 2, 5–6). Данный факт дает нам право заключить, что это погребения воинов, доминировавших в социальной структуре сарматского общества. Подобные погребения встречены в курганах

на Иловле в 7 случаях [4, с. 206]. Не стоит забывать и о четырех случайных находках на территории северной части Цнинско-Хоперского междуречья. Все они представлены короткими мечами с серповидными навершиями. Антропологические исследования останков показали, что во всех трех могилах были захоронены взрослые мужчины. То есть эти комплексы позволяют сделать заключение, что проникновение в лесостепь раннесарматских племен носило весьма спорадический характер, так как новые территории осваивали в основном мужчины-воины. Кроме того, данные погребения датируются II в. до н. э., еще тем временем, когда основная масса сарматского населения не выходила за пределы степной зоны.

Что касается керамики раннесарматского периода, то она представлена лишь одним сосудом (рис. 2, 3). Сероглиняный кувшин входит в комплекс III–II вв. до н. э. из погребения кургана 4 у хут. Короли, который датируется черешковыми трехлопастными наконечниками стрел и золотой обивкой колчана. Сосуд находит аналогии в керамике среднемоетского II периода (III – первая половина I в. до н. э.) [9, с. 172,

2-я половина II – середина IV в. н. э.

I – середина II в. н. э.

II – I вв. до н. э.

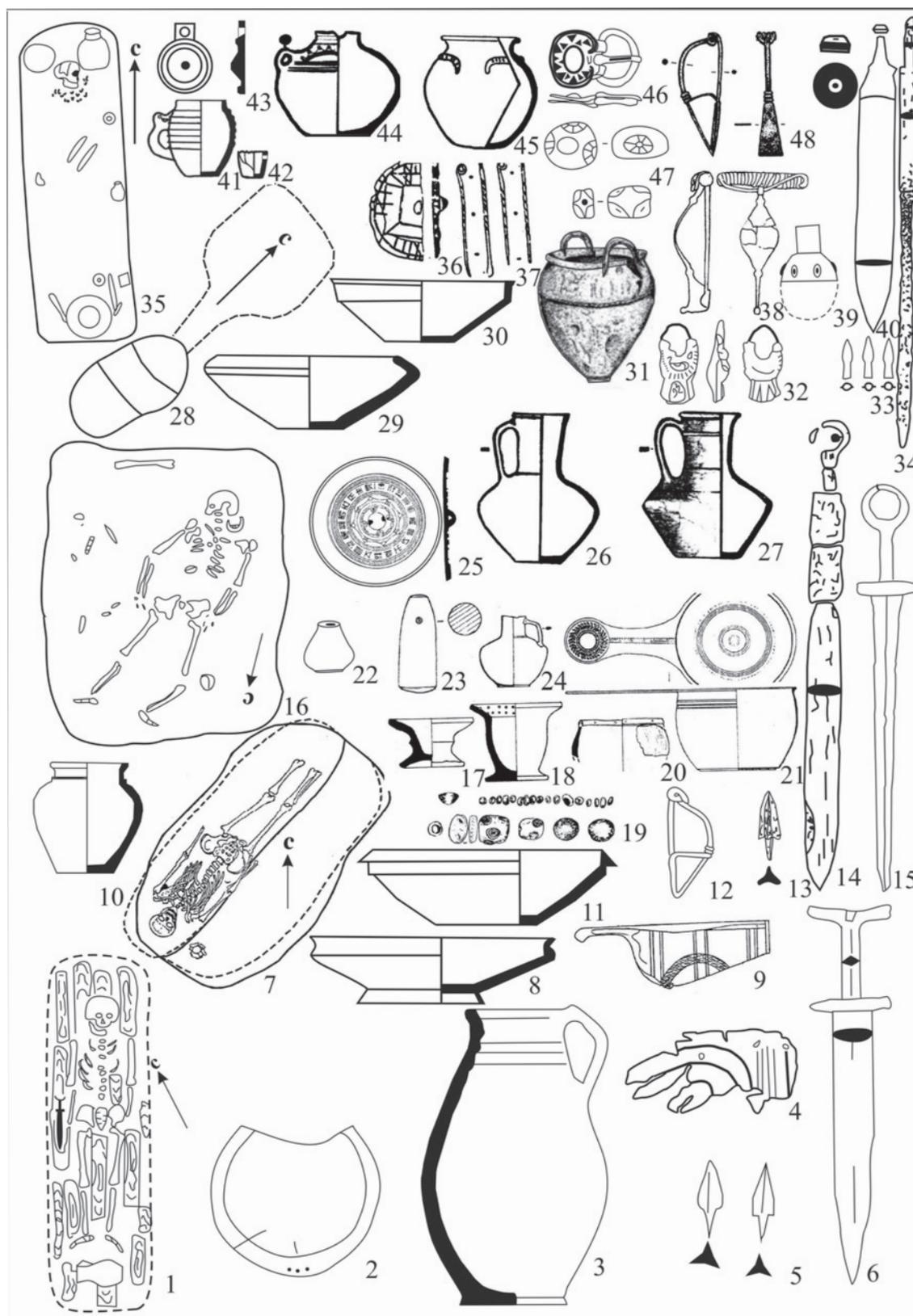

Рис. 2. Этапы развития сарматской культуры в лесостепном хоперо-волжском районе сарматских памятников: 1–6 – древности раннесарматской культуры; 7–27 – древности среднесарматской культуры; 28–48 – древности позднесарматской культуры

рис. 6, 2, 3, 5; 10, рис. 96, 2]. Это очень показательно, так как именно с III–II вв. до н. э. сарматы устанавливают постоянные связи с меотскими производственными центрами Нижнего Подонья, Кубани. Видимо, и выделяемый нами район памятников не остался в стороне.

Такова в общих чертах характеристика раннесарматских древностей из лесостепного междуречья Дона и Волги. Судя по местоположению памятников, сарматы в это время в глубь лесостепи еще не проникали. Оставленные ими погребения малочисленны и локализируются в пограничных районах степи-лесостепи. Однако они уже имеют ряд специфических черт как по отношению к степному населению ниже, так и по отношению к лесостепным собратьям западнее.

Ситуация меняется с начала I тыс. н. э. Сарматские племена проникают во все выделяемые учеными районы лесостепного междуречья Дона и Волги [11]. Проследим специфику локализуемой нами группы памятников (рис. 2, 7–27), насчитывающей около 50 захоронений и 7 случайных находок.

Как известно, при смене раннесарматской археологической культуры среднесарматской наблюдаются весьма значительные изменения в обряде погребения. Резко возрастает удельный вес захоронений под индивидуальной насыпью. При сопоставительном анализе археологических материалов волго-донской лесостепи мы получим следующую картину: хоперо-волжский вариант – 91 % погребений под индивидуальной насыпью; воронежский вариант – 100 %; пограничный со степью среднедонской район – 21 %. Интересно отметить, что в степных районах междуречья также преобладают погребения под индивидуальной насыпью (иловлинский вариант – 78 %; район памятников в нижнедонских степях – 60 %) [4, с. 220; 12, с. 87]. Однако здесь их процент чуть ниже. Вероятно, вышеперечисленные данные объясняются тем, что в лесостепи все среднесарматские могильники возникали на новом месте, тогда как по степному обычаю сарматские погребения входили в могильники «длительного накопления», иногда со впуском в более ранние насыпи (как правило, эпохи бронзы, либо скифские некрополи), что демонстрирует пограничный со степью среднедонской район.

Близки по процентному соотношению и следующие традиции погребального обряда среднесарматского археологического комплекса в волго-донской лесостепи: наличие материковых выкидов недалеко от могилы, как правило, кольцевидной формы; обряд труположения; южная ориентировка погребенных; для богатых захоронений – обычай помещать в насыпи ценные вещи. Это общесарматские черты. Однако существуют и некоторые различия в традициях похоронного ритуала между сравниваемыми регионами.

Первое из них касается применения огня в погребальной практике. Следы использования огненного ритуала в виде остатков кострищ или углублений с золой и углями около могил отмечены в районах памятников от места наибольшего сближения Дона и Волги до самых низовий Дона (26 случаев) [12, с. 92]; очень представительны подобные свидетельства на Иловле (26 случаев) [4, с. 226]. В воронежском варианте также известен огненный ритуал возле могилы (7 случаев), но здесь он совершался намного реже, чем в степи [13, с. 55]. В хоперо-волжском районе следы огня присутствуют лишь в одном захоронении – угли в заполнении могильной ямы, что, несомненно, служит показателем своеобразия этого района. Красящие вещества в указанном районе применялись чаще – 8 случаев (в основном – посыпка мелом дна могильной ямы).

Следующее отличие – напутственная пища. В среднесарматское время сарматы-степняки (иловлинский вариант – 58,3 %; вариант ниже сближения Волги и Дона – 94,6 %) [4, с. 226; 12, с. 91], а также отчасти обитатели лесостепи (хоперо-волжский район – 66,6 % и среднедонской район – 100 %) предпочитали жертвовать переднюю ногу барана с лопаткой или заднюю с тазом, и лишь изредка какую-либо другую часть туши. В воронежском районе памятников чаще всего встречаются черепа лошадей – 82 % от общего числа погребений с костями животных [14, с. 130]. Проанализировав эти данные, в свое время А. П. Медведев правомерно сделал вывод, что здесь сложилась особая модель скотоводческого хозяйства, обусловленная видовым составом стада, зависящего от кормов. На ковыльно-разнотравных кормах в лесостепи выпасали лошадей, а степное мелкотравье являлось источником содержания овец. Кроме того, лошади способны добывать зимой корм из-под снега, а овцы – нет. Именно это и позволило А. П. Медведеву отождествить воронежский вариант среднесарматской культуры с одним из племен Азиатской Сарматии, упомянутых Клавдием Птолемеем, – сарматами-гиппофагами, буквально – конеедами [там же, с. 129–132].

Еще одно яркое различие между сарматами лесостепи рассматриваемой территории проявляется в подкурганых погребальных сооружениях. Единственный их тип в курганах среднесарматского периода на р. Воронеж – прямоугольные довольно широкие могилы, с шириной, равной длине или ее половине. В лесостепном хоперо-волжском варианте представлены как широкие прямоугольные, квадратные и подбойные (63 %), так и узкопрямоугольные могилы (37 %). То есть по данному показателю мы видим своего рода «буферную» зону между степью и лесостепью междуречья. Широкий круг погребальных сооружений представлен в среднедонском райо-

не: узкая грунтовая яма, широкая яма, подквадратная могила, подбой.

Внутримогильные сооружения с использованием дерева для укрепления стен могилы представлены чаще всего в лесостепном хоперо-волжском районе. Пожалуй, это особенность данной части лесостепи, так как сарматы на р. Воронеж и в зоне южной донской лесостепи практически не использовали каких-либо конструкций внутри могилы (лишь два захоронения в гробах из I Чертовицкого кургана и детское погребение в колоде из Архиповки).

Обратимся еще к одному важному культуро-образующему признаку среднесарматского времени – так называемым «диагональным погребениям», во многом определяющим «лицо» среднесарматской культуры. В лесостепном междуречье Дона и Волги в I–II вв. преобладает положение костяков «по оси», однако в значительном количестве встречаются и «диагональные». В районе памятников по Хопру данный показатель составляет «по оси» 52,7 %, «по диагонали» – 22,8 %. Заметим, что в воронежском варианте диагональные погребения отсутствуют [13, с. 54]. В степи же данный признак встречается часто: в иловлинском районе – 33,3 % захоронений «по диагонали» [4, с. 225–226]; в районе ниже Иловли – 22 % [12, с. 91]. Однако, как отмечают исследователи, к ним мы имеем право причислить и ограбленные широкие прямоугольные и квадратные ямы [там же]. Тогда на Иловле и ниже ее устья таких погребальных сооружений 72 и 38 % соответственно, а в волго-хоперском районе памятников – 47 %.

Данный показатель одни ученые считают этническим [3; 15], другие – социально-религиозным [4; 12]. Однозначного заключения сделать нельзя. Стоит лишь констатировать, что погребения «по диагонали» не принадлежали кочевой знати из-за скромности инвентаря в сравнении с погребениями «по оси», но они содержали ярко выраженный профессионально-половой сопровождающий инвентарь (женщины-жрицы, мужчины-воины). Богатые женские погребения «по диагонали» Хоперо-Волжского междуречья, особенно их инвентарь, включающий китайский импорт (Третьяки), а также керамику с зооморфными ручками (Новоаннинск, Нехаево), находят аналогии в синхронных памятниках Средней Азии, Нижнего Подонья и Северного Причерноморья.

Все вместе вышеперечисленные новации и в погребальном обряде, и в вещевом комплексе дают основание говорить о миграционном характере формирования среднесарматской культуры, в том числе в хоперо-волжском ее варианте. Большинство ученых связывают эту культуру с аланами [3; 4; 12; 15].

По центрально-азиатской гипотезе происхождения алан изменения в восточно-европейской степи-

лесостепи в начале нашей эры были связаны с военной активизацией хунну в Южной Сибири и Восточном Туркестане в более раннее время [16; 17]. В результате племена юэчжей и усуней, обитавшие на северо-западных границах Китая, отошли на Запад, подчинив себе саков в Семиречье. Именно эти объединения, продвинувшись в Среднюю Азию, по мнению некоторых исследователей, были основными этническими компонентами, участвовавшими в складывании этноса ранних аланов [16, с. 128]. С этнонимом «усуни-асии» мы можем соотнести упоминание Клавдием Птолемеем народа *асев* где-то между Танаисом (Доном) и Ра (Волгой), а подчиненных юэчжами саков – с *закатами* (*сакатами*) из того же списка (Ptolem. V. 8. 160). Они, как часть аланского объединения, могли сохранять свое имя.

В качестве подтверждения данной версии археологически фиксируется появление широкого круга инноваций как в погребальном обряде, так и в вещевом комплексе (китайский «импорт», бронзовые литые котлы с полусферическим или сферическим туловом, глиняные парные курильницы). В своей основе эти инновации находят аналогии в Средней Азии, таким образом подтверждая версию о формировании аланов в среде ираноязычных кочевников Азиатской Скифии [3, с. 214; 16, с. 128–129].

В I в. н. э. аланы постепенно подчиняют и вытесняют часть старого аорского населения из Волго-Донского междуречья в верховья Хопра, чем и объясняется своеобразие памятников этого региона: хронологические позиции, разнообразие типов погребальных сооружений, среднесарматский облик инвентаря, очевидная линия преемственности с нижнедонскими традициями. Скорее всего, это была зона сосуществования уже аланских племен *асев* и *закатов* и старого аорского населения. Где-то здесь Клавдий Птолемей помещает *сварденов* (Ptolem. V. 8. 160). Однако их отождествление с той или иной группой сарматских памятников пока представляется преждевременным, так как александрийский географ явно перечисляет народы Азиатской Сарматии с севера на юг без какой-либо широтной привязки [18, с. 75–89] и не дает ссылок на хозяйственно-культурный тип, как в случае с сарматами-коннедами.

Следующий этап – позднесарматская культура, охватывающая время от середины II до середины IV в. н. э. В волго-донской лесостепи можно выделить два периода: середина II – середина III в. н. э. и вторая половина III–IV вв. н. э. Необходимо отметить, что в первый период жизнь протекает во всех четырех районах сарматских памятников, выделяемых в лесостепи между Доном и Волгой; во второй – лишь в волго-хоперском районе, а конкретно – в Волго-Хоперском водоразделе и Саратовском Правобережье Волги. При этом на сопредельных территориях сохраняется

теснейшее взаимодействие сарматского и автохтонного населения, в особенности на Верхнем Дону (могильники и городища типа Ишутинского). В лесостепном хоперо-волжском районе городищ не фиксируется, а просматривается постепенное угасание среднесарматской культуры, особенно на памятниках по Хопру, а в поздний этап проникновение новой волны населения, но уже в Правобережье Волги.

Для позднесарматской эпохи в волго-донской лесостепи нами учтено порядка 70 погребений и 2 случайных находки. Влияние позднесарматской культуры здесь в первый позднесарматский период (середина II – середина III в. н. э.) проявляется в большом числе погребений синкретического облика. При этом здесь известны и синхронные позднесарматские погребения. Таким образом, в лесостепи происходит постепенное угасание традиций среднесарматской культуры. В волго-хоперском лесостепном районе зафиксировано около 50 погребений указанного времени. Все они локализируются в бассейне Хопра, в могильниках, принадлежащих представителям потомков среднесарматской культуры (курганные группы у с. Третьяки, Власовка, Ключи, Берёзовка, Короли, Нехаево, Сидоры), и бескурганых ямах (у с. Турки). Погребальный обряд соответствует среднесарматскому: большие прямоугольные, подквадратные могилы; положение умершего по диагонали; южная ориентировка. Однако инвентарь погребений содержал вещи, характерные для позднесарматской культуры: кинжалы и мечи без металлического перекрестья и наверхия типа 3, по А. М. Хазанову [19, с. 15–21]; лепные сосуды с уплощенным дном и налечами типов II и IV, по А. С. Скрипкину [2, рис. 8.4, 9.1]; кубические курильницы; железную пружинную фибулу; сильнопрофилированную фибулу боспорского образца; зеркала с боковым ушком и коническим утолщением и др. (рис. 2, 28–48).

В волго-хоперском районе, кроме погребений кочевников, с конца прошлого века стали известны синхронные им поселения, городища и грунтовые могильники совсем иного культурного круга – типа «полей погребений», близкие позднезарубинецко-раннекиевским древностям. Как правило, памятники инясевского типа занимают песчаные всхолмления, останцы или пониженные участки пойменных террас. Поселения и могильники по основным показателям оказались близки древностям позднезарубинецкого горизонта Рахны-Почеп и памятникам начального этапа киевской культуры [20]. По мнению А. П. Медведева, они отмечают крайние восточные рубежи распространения многочисленного народа венедов [21]. По свидетельству Тацита, венеды «ради грабежа рыщут по лесам и горам...». По данным археологов это население мигрировало на Хопер из районов лесостепного Левобережья Днепра, Донца, Оскола.

Судя по всему, сарматы и «инясевцы» занимали в Прихоперье разные экологические ниши. Сарматы кочевали по остепенным водораздельным участкам плато, а поселения инясевского типа располагались в долинах рек, ближе к воде, в лесных массивах.

Таким образом, уже сейчас можно предположить, что этнокультурные процессы в лесостепных районах Прихоперья протекали в одном русле с соседними степными и лесостепными регионами. В первые века нашей эры здесь пересеклись две различные этногенетические волны – сарматская и венедская. Последнюю не без основания связывают с этногенезом ранних славян.

Переломным моментом стала середина III в. н. э. С этого времени в погребальных традициях населения северной части междуречья Волги и Дона не фиксируются черты среднесарматской культуры. Подобных погребений известно около 20. По типам погребальных сооружений они делятся на две группы: погребения в подбоях (80 %) и погребения в катакомбах (20 %). Оба типа становятся ведущими именно в позднесарматскую эпоху [2, с. 61; 22, с. 78].

Что касается погребального обряда второго этапа позднесарматского времени, то наиболее значимые его черты на рассматриваемой территории – ингумации; положение покойников на спине с ориентировкой в северную половину круга; искусственная деформация черепов у покойников. Широко распространяется обычай погребать усопших с перекрещенными ногами – характерная сарматская традиция первых веков нашей эры, распространенная в Степном Причерноморье [23, с. 9], лесостепном Подонье [13, с. 10] и даже на Боспорских некрополях [24].

Из погребального инвентаря в могильниках второго периода позднесарматской культуры встречены сильнопрофилированные фибулы поздних типов, зеркала с центральной петелькой на обороте, серьги-лунницы, медальоны, серебряные флакончики со вставками, украшения черняховского типа.

Особый интерес представляют погребения в катакомбах как своеобразное новшество погребального обряда населения лесостепного междуречья Дона и Волги финальной фазы позднесарматского периода (вторая половина III – IV вв. н. э.). Отметим, что здесь встречено четыре катакомбы. На сопредельной территории Нижнего Поволжья их также четыре [2, с. 64], но всего одна из них датируется III–IV вв. н. э. А на территории Донского Левобережья в среднем течении реки встречена всего одна катакомба [25]. Таким образом, катакомбные погребения северной части Поволжья важны с точки зрения появления здесь новых этногрупп в эпоху Великого переселения народов.

Все рассматриваемые погребения входят в курганную группу I у с. Большая Дмитриевка Лысогор-

ского района Саратовской области. Могильник расположен на склоне водораздела рек Карамыш и Лартрык в 2,3 км к северо-востоку от села. Размеры курганов варьировались: высота от 0,3 до 0,5 м; диаметр от 18 до 21 м. Все погребения располагались в центре кургана, за исключением захоронения из кургана 15, смещенного в западный сектор.

По форме могильных ям катакомбы представляют собой два типа подобных сооружений. Катакомбы типа II (по Смирнову) встречаются в курганах 15 и 24. Катакомбы типа III, производные от типа II [26, с. 74], представлены в курганах 20 и 21. Данные типы распространены на Северном Кавказе, в Прикубанье и Подонье. Мысль о происхождении позднесарматских катакомб от очень близких им северокавказских неоднократно высказывалась в литературе и имеет серьезные основания [2, с. 140–142; 26]. К вопросу об их этнокультурной атрибуции мы вернемся позже.

Заупокойная пища – баранина, фиксирующаяся в могилах в виде костных останков мелкого рогатого скота. Остальные признаки погребального обряда выявить не удастся из-за того, что все четыре захоронения были ограблены в древности.

Интересным по обряду погребения является захоронение из кургана 24. На краю входной ямы на древнем горизонте обнаружен меч традиционного позднесарматского типа с усеченно-коническим халцедоновым навершием (рис. 2, 40). В данном случае мы имеем прямую аналогию с курганом 14 из курганной группы Центральный-IV на Нижнем Дону [27, с. 171, рис. 1, 1]. Данные типы мечей являются неустойчивыми [19, с. 17], неметаллические навершия мечей из халцедона на протяжении всей позднесарматской эпохи встречаются очень редко, но их хронологические рамки четко определяются позднесарматским временем.

Погребальный инвентарь представлен керамикой: лепной глиняный кувшин с округлым туловом, орнаментированным насечками; лепной горшок с «усами»; фрагменты сероглиняных и чернолощеных круговых сосудов; курильницы. Лепная посуда с округлыми и вытянутыми налепами-выступами – типичная позднесарматская [10, с. 202]. Прямоугольные курильницы (тип XII, по К. Ф. Смирнову) появляются при переходе к позднесарматскому времени и бытуют вплоть до IV в. н. э., при этом очерчивая границы территории, занимаемой сарматскими племенами. Малочисленность и фрагментарность импортной керамики – также признак позднесарматского периода, связанный с разгромом позднеантичных ремесленных центров, снабжавших круговой посудой сарматов. Среди датирующего материала стоит отметить находки бус из сердолика – прямоугольных четырнадцатигранных и круглых плоских. Становят-

ся популярными подобные типы бус в сарматских погребениях со второй половины II в. н. э.

Охарактеризовав погребальный обряд и инвентарь, хочется обратиться к этнической составляющей погребенных. Среди авторов по этнической проблематике финальной фазы позднесарматского периода (вторая половина III – IV вв. н. э.) особенно примечателен древнеримский историк Аммиан Марцеллин. В его труде «Деяния в тридцати одной книге» не единожды упоминаются собственно аланы (XXXI, 2, 13)*, европейские аланы (XXII, 8, 42), аланы – «прежние массагеты» (XXXI, 2, 12), аланы-танаиты (XXXI, 3, 1). Во многом благодаря данному труду кочевники второй половины III – IV вв. н. э. устойчиво ассоциируются с аланами.

По типам погребальных сооружений, обряду и сопровождающему инвентарю рассматриваемые комплексы близки кругу катакомбных раннеаланских погребений Северного Кавказа и Нижнего Дона рубежа древности и средневековья. Исследователи связывают катакомбные погребения сарматского облика эпохи Великого переселения народов с аланомитанаитами Аммиана Марцеллина [25; 28]. Позднеримский историк сообщает о том, что «гунны, пойдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (Amm. Marc., XXXI. 3. 1). Вероятно, позднесарматские памятники второго периода из Хоперо-Волжского лесостепного междуречья могли принадлежать группе аланов-танаитов, уцелевших после гуннского погрома и откочевавших на север, в глубинные районы лесостепи, не затронутые гуннским вторжением.

Захоронения в катакомбах соседствуют в данном могильнике с синхронными им погребениями в подбоях. Причем социально-престижные захоронения в подбоях типа погребения 2 из кургана 13 принадлежат женщинам и имеют аналогии в курганах у с. Котово, Новая Норка, Щербаковка, Гусевка, г. Аткарска. Данный факт, возможно, говорит о подчинении танаитами местных племен.

Таким образом, главным итогом исследования по теме «Сарматы в лесостепном междуречье Дона и Волги» стало определение конкретного содержания тех этнонимов, которые оставили нам греко-латинские авторы, и их археологических реалий. Раннесарматские погребения рассматриваемого района мы отождествляем с роксоланами; среднесарматские – с аланами (асями и закатами, по Птоломею) и старым аорским населением, вытесненным из низовий междуречья; позднесарматские памятники, скорее всего, принадлежали аланам-танаитам Марцеллина.

* Пер. по: Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 613 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа / К. Ф. Смирнов // СА. – 1972. – № 1. – С. 73–75.
2. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / А. С. Скрипкин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – 150 с.
3. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и ее исторический аспект / А. С. Скрипкин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 299 с.
4. Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле / И. В. Сергацков. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 372 с.
5. Костенко В. И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья / В. И. Костенко // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.). – Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1982. – С. 69–91.
6. Симоненко А. В. Роксоланы (поиск археологических соответствий) / А. В. Симоненко // Археология. – 1991. – № 4. – С. 21–27.
7. Смирнов К. Ф. Сарматы-огнепоклонники / К. Ф. Смирнов // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1975. – С. 155–159.
8. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры / М. Г. Мошкова // САИ. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Вып. Д 1–10. – 56 с.
9. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской / Н. В. Анфимов // МИА. – 1951. – № 23. – С. 155–207.
10. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР [Т. 10]. – М. : Наука, 1989. – 464 с.
11. Берестнев Р. С. Сарматские памятники в лесостепном междуречье Дона и Волги (опыт районирования) / Р. С. Берестнев, А. П. Медведев // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. – 2015. – № 2 (32). – С. 7–17.
12. Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. / А. А. Глухов. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2005. – 240 с.
13. Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса / А. П. Медведев. – М. : Таус, 2008. – 235 с.
14. Медведев А. П. Сарматы-гиппофаги / А. П. Медведев // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2000. – Вып. 3. – С. 129–132.
15. Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области / К. Ф. Смирнов // МИА. – 1959. – № 60. – С. 206–322.
16. Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников) / Т. А. Габуев. – Владикавказ : Иристон, 1999. – 148 с.

Воронежский государственный университет
Берестнев Р. С., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: romario19911@rambler.ru
Тел.: 8-905-644-83-60

17. Скрипкин А. С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении : историографический очерк / А. С. Скрипкин // Историко-археологический альманах. – Армавир, 2001. – № 7. – С. 15–40.

18. Шувалов П. В. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея / П. В. Шувалов // Stratumplus. – 2013. – № 4. – С. 75–89.

19. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов / А. М. Хазанов. – М. : Наука, 1971. – 172 с.

20. Щукин М. Б. Горизонт Рахны-Почеп : причины и условия образования / М. Б. Щукин // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. – С. 26–38.

21. Медведев А. П. Лесостепное Подонье накануне Средневековья / А. П. Медведев // Средневековые древности Дона : материалы и исследования по археологии Дона. – Ростов н/Д. : Мосты культуры, 2007. – Вып. 2. – С. 11–24.

22. Симоненко А. В. Европейские аланы и аланотанайты в Северном Причерноморье / А. В. Симоненко // РА. – 2001. – № 4. – С. 77–91.

23. Симоненко А. В. Сарматы Таврии / А. В. Симоненко. – Киев, 1993. – 144 с.

24. Медведев А. П. О некоторых результатах изучения Некрополя Фанагории Римского времени / А. П. Медведев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 42–52.

25. Березуцкий В. Д. Погребение алана-танайта на Среднем Дону / В. Д. Березуцкий, А. П. Медведев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. – Казань, 2014. – С. 283–287.

26. Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа / К. Ф. Смирнов // СА. – 1972. – № 1. – С. 73–81.

27. Безуглов С. И. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону / С. И. Безуглов, В. П. Копылов // СА. – 1989. – № 3. – С. 171–183.

28. Безуглов С. И. Аланы-танайты : экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии / С. И. Безуглов // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. – Азов, 1990. – Вып. 9. – С. 85–87.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

Voronezh State University
Berestnev R. S., Post-graduate Student of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: romario19911@rambler.ru
Tel.: 8-905-644-83-60